

Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк
**МОДЕРНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
 РАННЕГО ДЕТСТВА В РОССИЙСКИХ ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ
 ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.***

УДК 94(470)“18/19”

ББК 63.3(2)531

В статье анализируются изменения в российской материальной культуре младенчества пореформенного периода. В центре исследовательского интереса — предметы быта, мебели, ухода за новорожденным в образованных, обеспеченных семьях. Предмет изучения — трансформация мебели для младенцев: кроваток, колясок, ходунков, манежей. Основываясь на автобиографических текстах, научно-медицинской литературе, визуальных источниках, авторы приходят к выводу, что к началу XX в. в России произошла модернизация предметного мира ребенка в семьях дворян и буржуазии вследствие медиализации и коммерциализации частной жизни, развития фабричной промышленности, пропаганды идеологии «нового родительства», идей детоцентризма. Показав, как формировалось и наполнялось вещами изолированное от родителей пространство детских комнат, авторы отмечают в этом процессе столкновение традиций и новаций. Анализируя врачебные рекомендации, педагогическую литературу, рекламные объявления производителей детской мебели, они показывают, как «новые родители» стремились окружить своих детей новейшими изобретениями (детские кроватки вместо люлек, манежи, высокие детские стулья, коляски, пеленальные столики). В описанном процессе отмечаются элементы детоцентристской идеологии, эксплуатируя которую российские фабричные производители накрепко связали материальную культуру детства с модой и коммерческой прибылью, а детскую мебель — с социально-статусной функцией семьи. Одновременно формировался эталон ухода за ребенком, основанный на научных знаниях и ориентированный на их инклюзию в процесс обыденных приобретений. В отличие от США, Великобритании, Франции, полного замещения консервативных практик ухода за младенцами в России начала XX в. не произошло.

Ключевые слова: *история детства, этнография детства, медиализация, история детской мебели, материальная культура детства*

Детальное рассмотрение в музеях предметов, находившихся в детских комнатах: стульев и столов, колясок и люлек, ходунков и бегунков, детской посуды и столиков для кормления младенцев — увлекает не только любителей этнографии материальной культуры и

истории детства. В отечественном и зарубежном историописании на протяжении последних двух десятилетий наметился устойчивый интерес к изучению детства в контексте истории повседневности и исторической этнологии, социальной и гендерной истории.¹ Однако, несмотря на обилие публикаций, развитие материальной культуры младенчества в доре-

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., проф., зав. сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
 E-mail: pushkarev@mail.ru

Мицюк Наталья Александровна — д.и.н., старший преподаватель кафедры философии, истории медицины, биоэтики, Смоленский государственный медицинский университет (г. Смоленск)
 E-mail: mitsyuk.natalia@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекты №14-31-01217 «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы», рук. Н. А. Мицюк; №16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ», рук. Н. Л. Пушкарева

¹ См.: Kelly C. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven, 2007; Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М., 2000; Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007; Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. М., 2014; Бокова В. М. Детство в царском доме. Как росли наследники русского престола. М., 2011; Мартианова И. Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII — нач. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010; Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 108–116; Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2014; Веремко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2015.

волюционной России остается одной из забытых историками тем. И если детская игрушка не раз становилась предметом исторических исследований,² то сюжеты, связанные с изменением детской мебели, вообще не имеют в России своей историографии. Читая работы Н. Хайнера, Дж. Хоус, К. Келли, а из отечественных ученых — И. С. Кона, можно понять, что изучение материального мира детских комнат позволяет объяснить пути формирования идеологии материнства соответствующих эпох, немало узнать о запросах родителей, адресованных к производителям предметов, которыми наполнялись детские комнаты, проследить изменения повседневных практик ухода за детьми (от равнодушия и даже небрежения к становившемуся все более очевидным детоцентризму³). Вот почему нам представляется важным приоткрыть эту страницу отечественной истории начала новейшего времени.

Наша цель — проанализировать трансформацию материальной культуры раннего детства в высших слоях общества, вызванную модернизацией пореформенной России, либерализацией социальных норм, внедрением в повседневную жизнь профессиональных знаний (медицинских, педагогических). В фокусе исследовательского интереса — мебель для младенцев, в самой конструкции которой находили выражение новые идеалы материнского поведения и ухода за грудничками. Мы выбрали объектом изучения только дворянские семьи, так как именно в этом социальном слое, в отличие от традиционной крестьянской среды, происходила рецепция европейских идеалов материнской заботы.⁴ Интересно было выяснить, насколько активно данный социальный слой пользовался рекомендательной педагогической литературой в вопросе приобретения новой детской мебели, насколько доверял рекламе, имел ли средства для оснащения детских по последнему слову мебельной моды и была ли эта мода интернациональна или, напротив, самобытна в разных странах Западной Европы и в России. Для поиска ответов на

эти вопросы мы привлекли три группы источников — автобиографические тексты, в которых авторы описывали свои детские годы или детство младших братьев и сестер;⁵ научную и научно-популярную медицинскую и, отчасти, бытописательскую (этнографическую) литературу и, наконец, предметы визуальной культуры, представленные в виде иллюстраций на страницах дореволюционных изданий либо артефактов музейных фондов.⁶

Детская комната

В древнерусских семьях, даже весьма знатных, никаких детских комнат не было.⁷ Лишь вместе с вестернизацией дворянской повседневности в XVIII в. в российских усадьбах появились специально выделенные для детей помещения, и должен был пройти еще век, прежде чем интерес к наполнению этой комнаты множеством необходимых матери и ее чад предметов был замечен российскими производителями.

Со второй половины XIX в. предметный мир младенца расширился, что было вызвано общей коммерциализацией повседневной жизни. Сегодня термин «*коммерциализация*» властно ворвался на страницы сочинений по истории повседневности;⁸ он подразумевает стремление определенного круга лиц (прежде всего производителей товаров повседневного спроса) постоянно извлекать прибыль, ориентируясь на запросы людей. Коммерциализация невозможна без готовности и желания потреблять, и именно в рассматриваемый нами период немалое число предметов детского обихода (ранее производившихся в усадьбах, имениях) стало покупным. Индустриальное развитие российского общества привело к тому, что промышленники обратили внимание

² См.: Сальникова А. А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011; Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

³ См.: Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 19, 21; Кон И. С. Ребенок и общество. М., 2003. С. 6, 7.

⁴ См.: Мицюк Н. А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 1. С. 21–32.

⁵ Используются опубликованные и впервые вводимые в научный оборот автодокументальные источники: переписка семьи Голицыных и дневники С. Ф. Волляряльской (ГА РФ); дневники О. В. Сваричовской (ЦХД после 1917 г.); дневники В. П. Багриновской (РГАЛИ); дневник Е. Н. Половцовой (ОР РНБ); семейная переписка Волконских (ГАСО); письма Л. Селиковой (ГАГО).

⁶ Фотодокументы из фондов ЦХД до 1917 г. ЦММЛС. Ф. 246, 248, 292; ГАСО. Ф. 108; ГАЯО (онлайн-выставка); из частных коллекций (Н. А. Филаткиной, Л. Л. Степченкова); выставочные экспонаты Смоленского музея-заповедника, Тверского государственного музея, Музея-заповедника С. А. Есенина, Музея-усадьбы М. И. Глинки.

⁷ См.: Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2011.

⁸ См.: McKendrick N., Brewer J., Plumb J. H. The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England. London, 1984 (2-nd ed. 2001).

и на обеспеченных матерей с младенцами.⁹ С развитием медицинских знаний и их проникновением в повседневность российского дворянства, с распространением новых идеалов «сознательного материнства»,¹⁰ детоцентристской идеологии, под немалым давлением экспертного сообщества (врачей и педагогов) городские семьи 1870–1880-х гг. стали тратить куда больше средств на обеспечение семейного комфорта; реклама же убеждала в том, что такие траты полезны и способствуют «правильному развитию» детей.

Этот процесс существенным образом изменил повседневность и материальную культуру раннего детства. Если в крестьянской среде в вопросах ухода за детьми и их воспитания доминировали традиционные знания, то в образованных обеспеченных кругах абсолютным «гегемоном» становилось знание медицинское, сначала преимущественно зарубежное.¹¹ Модернизация института материнства вела к тому, что ребенок становился не просто центром материнской жизни, он требовал особого пространства, наполненного значимыми для его развития предметами. Общество создавало концепцию детства, определяя и выражая его характеристики через множество материальных вещей.¹²

Детские комнаты в усадьбах и городских домах пореформенной России значительно изменились. Если в XVIII — первой половине XIX в. на роль детской выбирали «тесную, маленькую, низенькую комнату, мрачную, душную, заваленную всяким хламом, недостаточно освещенную и практически никогда не проветриваемую»,¹³ то ныне детям стали выделять лучшую комнату в доме, самую светлую, теплую, обеспечивающую здоровое развитие и комфорт. Изучение планов усадеб и квартир показывает, что детскую располагали подальше от шумной кухни, на противоположной стороне (или на другом этаже) от спальни родителей и кабинета отца. Пространство родителей

и детей жестко разграничивали. Об «изгнании» новорожденных из столовых, куда приходили посторонние, равно как и из супружеских спален, где «ребенок сделался совсем нежеланным гостем», писали врачи. Принцип изоляции новорожденных, стремление подчеркнуть границы взрослого и детского миров в дворянских семьях стали нормой жизни. Мать-дворянка все еще редко вскармливала своих детей (нанимали кормилиц), так что детская предназначалась для малыша, его «молочной матери» и няни. Врачи наставляли родителей тщательно скрывать от детей проявления супружеских отношений, в особенности тайну появления детей на свет (хотя роды дворянок бывали именно дома, но с их началом детей запирали в детской, и они не могли не только увидеть, но и услышать что-то лишнее).¹⁴

В семьях с многочисленным потомством бывало по несколько детских, но до 7–9 лет дети росли вместе.¹⁵ В дальнейшем их расселяли по комнатам по половому признаку. При наличии старших детей новорожденных размещали в особом помещении. Если между детьми была большая разница в возрасте, их тоже селили отдельно, группируя по возрасту. Так, одна мемуаристка записала: «Наутро мы узнали, что у нас родился брат. Ему отвели особую комнату, где он жил с няней 2 года».¹⁶

В 1910-е гг. среди врачей свой голос возвысили те, кто выступили с критикой расположения детских комнат вдали от родительских; иные радикалы призывали совсем отказаться от детских.¹⁷ На это немедленно откликнулись прогрессивно мыслявшие родители. «Спальня родителей соединялась с детской комнатой открытыми дверями (без створок), — писал мемуарист Н. З. Краевский, — и в этих дверях отец повесил детям качели».¹⁸ Дворянки, считавшие себя «сознательными матерями», тоже поспешили отказаться от негласной нормы изоляции детей от супругов. «Когда муж уехал... перевела ребенка к себе в комнату с кроватью», — записала В. П. Багриновская.¹⁹

⁹ Самые известные детские магазины конца XIX в. принадлежали Р. Р. Келлер и М. А. Мамонтовой; они выставляли свою продукцию на международных гигиенических выставках. В 1890 г. в Москве, в Камергерском пер., был открыт магазин «Мать и дитя» (Объявление // На помощь матерям. 1894. № 1. С. 46).

¹⁰ См.: Мицюк Н. А. Указ. соч. С. 21–33.

¹¹ См.: Дмитриева Н. А. Становление системы женского образования в российской провинции (1800–1880 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2008.

¹² См.: Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М., 2009. С. 137.

¹³ Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. М., 1884. С. 59.

¹⁴ См.: Басова Е. Быт высших слоев общества // Из эпохи крепостного хозяйства XVIII–XIX вв. М., 1926. 54 с.; Покровский Е. А. Указ. соч. С. 59.

¹⁵ См.: Сабашникова М. В. Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993. С. 8, 9.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 260б.

¹⁷ См.: Половцева В. Н. Половой вопрос в жизни ребенка // Вестн. воспитания. 1913. № 9. С. 16–29; Покровская М. И. О половом воспитании и самовоспитании. СПб., 1913.

¹⁸ Смоленский музей заповедник (СМЗ КП). № 30397/1. Воспоминания Н. З. Краевского. С. 4.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 1740б.

В девичьем дневнике некой Ольги Сваричовской мы нашли сообщение о том, что ее знакомство с новорожденной сестрой состоялось в родительской спальне.²⁰

*Мебель для новорожденных:
колыбели и кровати*

Мебель для новорожденных в российских семьях второй половины XIX в. могла состоять как из новейших приобретений, так и из старых предметов, передававшихся из поколения в поколение, и даже из приспособлений, встречавшихся в крестьянских домах.²¹ К началу XX в. детская мебель стала важным атрибутом обеспеченных семей. О том, что общество стало уделять особое внимание предметному миру ребенка, свидетельствовала подготовка для Московской антропологической выставки 1879 г. специального зала с предметами детского обихода различных местностей и народов России и зарубежных стран.²² Среди специализированной детской мебели начала XX в. фигурировали корзинки, колыбельки, кровати, качалки («качки»), люльки, коляски, пеленальные столики, стулья, каталки, ходунки («стойки»), манежи («грядки») и многое другое.

Если в XIX в. в дворянских семьях, как и в крестьянских, были распространены колыбели в форме *люлек* (*зыбок*), изготовленные усадьбными мастеровыми, то к началу XX в. на смену им пришли покупные кровати. По привычке их продолжали именовать «люльками», хотя вследствие врачебных рекомендаций большинство дворян отказалось от люлек, которые подвешивались к потолку. В доме крестьянок люлька имела функциональное значение: туго спеленутое дитя не могло выпасть, матери легко было укачивать его и заниматься домашней работой (люлька соединялась «длинной ниткой с большим пальцем ноги матери; во время прядения мать, двигая прялку ногой, вместе с тем качает и колыбель»²³). В дворянском доме люлька была не нужна. Не удивительно, что вместе с врачебной критикой тугого пеленания детей и употребления свивальников в России развернулась критика

практик укачивания.²⁴ Педиатры старались убедить родителей в том, что влияние люлек на нервную систему ребенка самое дурное, приводили примеры опрокидывания детей. Дворянки же, окруженные кормилицами и няньками, свободно могли последовать настояниям врачей. В крестьянских же семьях, где помочь матери было некому, люльки оставались в обиходе, несмотря на все врачебные аргументы.

Между тем из детской быстро исчезли и «колыски» — низкие кровати, поставленные на дугу. Вчитываясь в строчки мемуаров («Между прочим, купили качалку в детскую... 15 рублей»), можно обнаружить, что в обиходе эти предметы чаще называли «качалками»,²⁵ поскольку ножки «колыски» соединялись дугами в виде полумесяца. В обедневших дворянских семьях «колыску» могли сделать из деревянного ящика, к которому прибавалась пара изогнутых палок. Врачи осуждали «колыски» («верх безобразия и непонимания детской природы») по причине «обдувания» ребенка струями холодного воздуха.²⁶ Традиционную приверженность русских матерей к практике укачивания уверенно подхватили российские фабриканты, запустившие в производство *колыбели* — кровати на дуговых ножках. Они имели немалый коммерческий успех. Судя по рекламным объявлениям, по промышленным экспонатам и музейным артефактам, колыбели могли быть миниатюрными и внушительных размеров. Первые варианты их напоминали крестьянские «колыски» (низкие, поставленные на дугу, мало декорированные), но со временем фабричные колыбели стали куда изящней. С конца XIX в. на страницах женских журналов замелькали рекламные картинки дорогих (по 40 руб.) высоких колыбелей на «висячих рессорах» Петербургской фабрики Сан-Галли, обитых внутри белым холстом. Не меньше стоили и так называемые «французские люльки»: корзинку-колыбель изготавливали вращающейся на двух винтах. Это было удобно состоятельным матерям,²⁷ но противоречило врачебным рекомендациям.

²⁰ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 60б., 7.

²¹ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 109. Л. 100б., 11; Мебель России. Альбом обмеров. Образцы мебели русской работы конца XVIII — нач. XIX в. М., 1940.

²² См.: Богданов А. Краткий обзор антропологической выставки 1879. М., 1879. С. 3.

²³ Плосс Г. Г. Ребенок от колыбели до первого шага. СПб., 1881. С. 77; Покровский Е. А. Указ. соч. С. 173, 179.

²⁴ См.: Манасеева М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб., 1870. С. 63; Дернова-Ярмоленко А. А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребенка. М., 1911; Побединский Н. И. Краткий курс акушерства. М., 1915. С. 125.

²⁵ ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

²⁶ См.: Жук В. Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб., 1906. С. 607.

²⁷ Там же. С. 607, 608.

Русские врачи (В. Н. Жук, А. А. Дернова-Ярмоленко) предлагали покупать взамен «колысок» *корневатки* (*корноватки*) — округлые глубокие корзины из тонких корней ивы или сосны, прутьев ивовой лозы, вербы, иногда и камыша, использовавшиеся в крестьянском быту для формовки хлеба. Они смело настаивали на правильности заимствований из традиционной крестьянской культуры, в которой детей переносили в корзинах, коробах и плетушках. Выпуск таких корзин был поставлен на поток русскими ремесленниками; в начале XX в. по образцу народных плетеных переносок улучшенный вариант корзин стал производиться на предприятиях обрусевшего немца Байера в Петербурге. Коммерциализация народного ремесла дорого обошлась матерям: цена корзин для новорожденных варьировалась от 10 до 15 руб. Если доход семьи не позволял приобрести корневатку, русские врачи рекомендовали класть младенцев в простые бельевые корзины из грубой лозы (новые стоили всего 25 коп.). Их рекомендовалось вымыть, пропарить, высушить; также следовало сшить внутренний полотняный чехол, чтобы малыш не поцарапался. В. П. Багриновская, описав свои роды, так и поступила: «Мальчика уносят и кладут в чистую белую корзинку с легкой кисейной занавеской — все по Жуку».²⁸

Едва ребенок начинал учиться сидеть, корзинку, по рекомендациям врачей, стоило убрать, пересадив малыша в его *кроватку*. Ответом на растущий спрос обученных таким образом русских матерей стало налаженное производство железных детских кроватей для детей до года (1,5 аршин в длину, или 106,5 см). Они рекламировались как «свободные от насекомых-древоточцев». Клепали их, судя по рисункам, плоскими, устойчивыми, без украшений — лишь иногда решетчатые стенки дополнялись плетением из шнура. Любопытно то, что в продаже были кроватки «для спокойных» и «для беспокойных» детей. В комплекте последних имелась рама со шнуровкой в виде сетки, которой кровать накрывали сверху. Встречающиеся в современном обиходе кровати с подъемным дном, рассчитанные на разный возраст детей, на рубеже XIX и XX вв. изготавливались только в Москве и Одессе.²⁹ В отличие от США, где к началу XX в. кровати для детей вытеснили все виды люлек и зыбок,³⁰

в семьях российских дворян продолжали существовать и использоваться разные типы мебели. Это было связано с влиянием традиционного крестьянского быта (кормилицы и няньки были, как правило, выходцами из крестьян), поэтому поставки модернизированных колыбелей из стран Европы находили в России постоянный спрос.

Но, как ни желанны были покупки новой фабричной детской мебели, матери-дворянки всё же подчас не забывали традиционных народных суеверий. Изучение мемуарной литературы, в которой описывались материнские будни, показало, что среди вполне образованных женщин сохранялся негласный запрет на покупку детских вещей, в том числе кровати, люльки, коляски, пеленального столика, до появления ребенка на свет. Это объяснялось значительной долей случаев мертворождений и боязнью увидеть заранее созданную детскую пустой. Не удивительно признание одной из матерей (О. О. Тидеман) о том, что кровати для ребенка в ее доме не было до тех пор, пока ему не исполнилось полгода.³¹

К началу XX в. ушли в прошлое детские перины. Педиатры учили матерей не кутать детей, покупать им для сна тюфяки, набитые травой, мочалом, «сосновой (лесной) шерстью» (сосновые иглы распаривали, вываривали в щелоке, расчесывали, сушили, набивали в полотняный мешок). Самые дорогие детские тюфяки имели наполнитель из конского волоса. Даже в семье Николая II дочери спали не на перинах, а на таких волосяных матрацах.³² Поверх тюфяка укладывали клеенку, затем стелили простыню.

При рождении недоношенных и слабых детей (менее 2,5 кг) врачи советовали вместо кровати устраивать хорошо утепленные спальные места. Жизнеподдерживающими приспособлениями для них были грелки, размещавшиеся по периметру кровати. Европейские врачи рекомендовали устраивать постель ребенка в цинковой ванночке, поставленной в большую по размеру деревянную ванну, наполненную теплой водой («ванночки Креде»), которые с трудом, но можно было купить и в России. Новинкой английской медицинской промышленности стали в то время шкафы-грелки («кувезы»). Их рекомендовали использовать, если комнатная

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 173.

²⁹ См.: Жук В. Н. Указ. соч. С. 615.

³⁰ См.: Калверт К. Указ. соч. С. 192, 193.

³¹ См.: Долгое ожидание. Письма А. Г. Тидемана и О. О. Тидеман (фон дер Бек). Смоленск, 2012. С. 40.

³² См.: Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. М., 2010. С. 77.

температура была низкой. Но в большинстве случаев недоношенные дети умирали. Спаси их жизни был призван первый в России Городской приют для недоносков Петербурга (1901).³³

Мода на дорогостоящие предметы заботы о младенцах в России на рубеже XIX и XX вв. нашла выражение в «пеленшниках» и «пеленаторах» (*пеленальных столиках*). В 1893 г. на I Всероссийской гигиенической выставке в Москве этот товар был представлен Товариществом Р. Р. Келлера. Другим атрибутом обихода «разумных матерей» были детские весы, на которых обученная мать должна была взвешивать дитя, фиксируя результаты в особую тетрадь — «родительский дневник» (так в условиях повышенного внимания к физическому развитию ребенка формировались зачатки педиатрического патронажа³⁴). Записи были основанием для врачебного заключения о характере развития и достаточности питания малыша.

Детские «повозки», или коляски

Визуальные источники рубежа XIX и XX вв. (фотографии, музейные экспонаты, рекламные изображения на страницах периодической печати) подтверждают, что еще одним ответом русских производителей на запросы сформированного врачом сообществом «сознательных матерей» стали детские «повозки», или коляски (от старинного южно-русского слова «*колыска*» — ‘качель, зыбка’). Сначала «детские возки» использовались у крестьян; барских детей носили на руках крепостные няни или кормилицы³⁵ — облегчать их труд не было надобности. Но во второй половине XIX в. в российских дворянских семьях коляски приобрели статусное значение: сначала они могли быть только привозными из Европы, символизируя материнскую самоотдачу (возвращение функций ухода за младенцем от кормилиц к матерям). Так, А. Г. Достоевская писала из Женевы: «Мы, по настоятельному совету доктора, каждый день вывозили нашу дорогую крошку в Jardin des Anglais, где она и спала в своей колясочке два-три часа».³⁶ Нема-

лую роль в распространении колясок сыграли врачи: они критиковали ношение грудных детей на руках нянками, отмечая частые искривления позвоночника.³⁷ Под влиянием западноевропейских коллег³⁸ русские педиатры стали пропагандировать использование «колясочек специально приготовленных».³⁹

Судя по семейным фотографиям XIX — начала XX в., внешний вид детских колясок был разнообразен и более всего зависел от финансовых возможностей семьи. С тех пор как на Западе с 1860-х гг. было налажено промышленное производство колясок,⁴⁰ в русских семьях они стали символом принадлежности к зажиточным городским слоям. Западные европейские промышленники, ощутив коммерческую выгоду, стали экспериментировать с формами и возможностями этих приспособлений: появились трехколесные коляски с большими колесами, с капором, на рессорах, с перекидной ручкой (чтобы ребенок мог смотреть или по ходу движения, или на родителя).⁴¹ Желая соответствовать новому эталону материнства и просто похвастать дорогим приобретением зарубежного производства, дворянки всё чаще выходили на прогулку с детьми и самостоятельно катили коляски. «Сознательная мать», прогуливаясь с ребенком в дорогой коляске, символизировала заботу, погруженность в воспитательный процесс. Для дворянок средней руки покупка в магазине детской коляски зарубежного производства была значимым событием.⁴² Такая коляска имела не только практическое применение, но и «социотехническую функцию»: она ускоряла процесс медиализации ухода за ребенком, поддерживала социальный статус владельцев.⁴³ В отличие от детской кровати или даже корзинки, которые никто из посторонних подчас и не видел, она сразу же стала публичным предметом детской материальной культуры, позволявшим матери демонстрировать степень семейного благосостояния, собственной сознательности и заботы о ребенке.

³³ См.: Миллер Н. Ф. Дети-недоноски и особенности их болезней. СПб., 1901; Микиртичан Г. Л. Первый в России и Европе специальный городской приют для недоношенных детей // Детская больница. 2014. № 2 (56). С. 57–61.

³⁴ См.: Мицюк Н. А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. 2015. № 3. С. 91–105.

³⁵ См.: Пушкарева Н. Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII — начала XIX в. // Расы и народы. М., 1998. С. 104–136.

³⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981. С. 187.

³⁷ См.: Жук В. Н. Указ. соч. С. 1063.

³⁸ См.: Wall-Scheffler С. M., Geiger K., Steudel-Numbers K. Infant carrying: The role of increased locomotory costs in early development // American Journal of Physical Anthropology. 2007. V. 133 (2). P. 841–846.

³⁹ Жук В. Н. Указ. соч. С. 1064.

⁴⁰ См.: Калверт К. Указ. соч. С. 211.

⁴¹ См.: Fontanel B., d'Harcourt C. Baby, Säugling, Wickelkind. Eine Kulturgeschichte. Hildesheim, 1998. S. 184.

⁴² ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 14; ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

⁴³ См.: Калверт К. Указ. соч. С. 12.

Поскольку кровати и коляски стоили дешево, провинциальные и столичные дворянки (ничуть не менее практичные, чем немки) быстро распространили практику обмена детскими принадлежностями, передачи (реже — продажи) их в семьи друзей и знакомых. Эту тенденцию можно обнаружить даже в состоятельных семьях, в том числе императорской (княжна Голицына телеграфировала супруге Николая II, императрице Александре Федоровне: «Доехали благополучно просим прислать скорее кровать Николы какой ответ насчет колясочки леди Джорджины очень нужно обнимаем»⁴⁴).

Смастерить простейшую коляску, похожую на тележку, было под силу усадебным столярам и плотникам. На некоторых фотографиях ранних российских детских колясок видны очень длинные ручки (взрослые возили в них детей, подобно рикшам), они были дешевле тех, что стояли на оси и которые надо было толкать. К самым простым и дешевым коляскам относились крестьянские тележки и корзинки, поставленные на ось, а самой популярной формой была трехколесная коляска. Она признавалась врачами лучшей, поскольку была «на рессорах».⁴⁵ Чтобы дитя в коляске свободно дышало, корзинку для коляски плели из прутьев; в дорогих вариантах — делали из натуральной кожи, и коляска скорее походила на экипаж с крытым верхом. Укладывать малышей в них рекомендовали с полугода; пользоваться ими советовали не только на улице, но и дома, благо пространство позволяло сделать это⁴⁶ (вспоминая о младшем брате, одна из мемуаристок записала: «Помню, как он спал в колясочке, а мы все три тихо и осторожно возили его по коридору»⁴⁷).

Каталки, ходунки, «грядки», манежи и др.

В русской традиции отношение родителей к формированию у детей навыков сидения и хождения было неоднозначным. Этнографы подчеркивали, что крестьяне учили детей сидеть и ходить как можно раньше, используя ходунки, ходульки, вожжи или помочи, седульки, стоюнки, дуплянки, обучайки.⁴⁸ Многовековая история их объяснялась очевидным желанием поскорее освободить себя от забот о неумелом

ребенке и как можно раньше подготовить его к участию в хозяйственной жизни семьи.

Русская дворянская традиция относилась к этому вопросу двойственно. С одной стороны, ребенком занимались няньки-крестьянки, воспроизводившие способы традиционного воспитания *каталок-ходунков*, куда ребенок помещался в стоячем положении. На рубеже веков в продаже имелись эти приспособления (бренд фабрики Межисье), изготовленные по образцу народных. Для обучения навыкам ходьбы в употреблении было и длинное льняное полотенце, которое накидывали на шею и продевали под мышками ребенка, а также специальные детские *вожжи*.⁴⁹ Поскольку в западной литературе того же времени аналогов не нашлось, можно предположить, что манипуляции с обучением ходьбе с помощью вожжей относятся к традиционным, но закрепившимся и в российской дворянской среде. Правда не раз цитированный нами врач В. Н. Жук, чья книга «Мать и дитя» была для многих дворянок настольной, называл вожжи и ходунки «анахронизмами», вредящими здоровью детей.⁵⁰ Начитанные российские матери не поощряли раннего сидения и хождения и, следуя врачебным рекомендациям, начинали усаживать детей лишь с 7 месяцев. Ползать давали лишь на постели родителей (полы были недостаточно теплыми).

В отличие от ходунков, *высокие детские стулья* сразу получили поддержку врачей. Именно в них мы видим маленьких детей на дагерротипах и фотографиях до 1917 г.⁵¹ Детские стулья имели защитную перегородку, которую дополнял небольшой (иногда подвижной) столик, предназначенный для игр и кормления. Высокие детские стулья стали новой формой контроля за поведением ребенка, поскольку предполагали включение его с раннего детства во взрослый мир. Пока ребенок сидел за отдельным детским столом, на расстоянии от взрослых, он мог делать что вздумается, но, сидя на уровне взрослых и вместе с ними, он уже не мог «хватать, что ему нравится, нарушать четкий порядок блюд и приборов». Природа ребенка попала под контроль, а его самого стало возможным «ограничить и изолировать».⁵²

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 749.

⁴⁵ Жук В. Н. Указ. соч. С. 1064.

⁴⁶ ЦХД после 1917. ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 60б., 7.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 260б.

⁴⁸ См.: Покровский Е. А. Указ. соч. С. 236.

⁴⁹ См.: Сабашникова М. В. Указ. соч. С. 13; Филиппов А. Н. Гигиена детей. М., 1909.

⁵⁰ См.: Жук В. Н. Указ. соч. С. 1062.

⁵¹ См.: Степченков Л. Л. Фотографы Смоленщины 1858–1918. Смоленск, 2012.

⁵² Калверт К. Указ. соч. С. 187.

Для детей в возрасте 8–9 месяцев российская промышленность выпускала «грядки» — приспособления для ограждения пространства комнаты, где дети могли бы ползать и учиться ходить. «Грядки» представляли собой вариант современного манежа — больших размеров ящик без крышки, обитый внутри мягкой подкладкой и тканью. Если позволяло домашнее пространство, то «грядки» конструировались в комнате (путем выгораживания тонкими рейками в ней половины или четверти), соседней с детской, на пол набивали войлок и натягивали клеенку. Преимущества такой конструкции были очевидны: ребенок находился в безопасности; ему предоставлялось много свободы; держась за края, он мог сам учиться хождению, пока мать занималась своими делами.

В начале XX в. на российском рынке мебели для малышей весьма популярны были так называемые *манежики*, напоминавшие широкую лестницу, сложенную пополам. Ее разгибали, приставляли к стене — возникало огороженное квадратное пространство, куда помещали детей. Специальные крепления к стене делали конструкцию устойчивой. Манежи и «грядки» символизировали новое отношение к ребенку, его освобождение от ограничивавших движение ходунков.

Рассмотренный процесс расширения и укрупнения предметного мира российского раннего детства (охвативший пореформенную Россию) дал нам возможность судить об изменениях в восприятии младенчества в культуре того времени. Если до середины XIX в. раннее детство рассматривалось как период некоторой неполноценности, который стоило миновать как можно скорее, то с 1860-х гг. оно предстало периодом, который «сознательные матери» (а это были образованные дворянки, жительницы городов) под влиянием медицинских и педагогических знаний сочли важным и ответственным для подготовки к будущей жизни. Картину быстрого роста производства детской мебели и колясок можно уподобить улице со встречным движением. Матери стремились сами воспитывать детей, видеть их здоровыми и подвижными, не передоверяя заботу о них нянькам, строго ориентируясь на врачебные рекомендации, устные и письменные. А производители новых артикулов и предметов, движимые, в частности, коммер-

ческой выгодой (вполне согласованной с работой врачей, писавших многословные книги о том, как следует строить воспитание, развивая естественные способности ребенка), чутко прислушивались к родительским запросам, быстро и умело удовлетворяли их.

Рубеж XIX и XX столетий был временем безусловной победы детоцентристской идеологии, которую фабриканты сделали краеугольным камнем новой моды и источником прибыли. Детская мебель и коляски подчеркивали отныне статус семьи, ее материальные возможности и соответствие запросам времени. Однако материальная культура раннего детства в России была сферой, где традиционные средства и практики продолжали сосуществовать с новейшими. Полного замещения консервативных способов ухода за младенцами новшествами (как это случилось в Великобритании, Франции и, особенно, в США) в России не произошло. С одной стороны, материальный мир младенчества отказался от небезопасных качалок в пользу детских кроватей, в обиход вошли детские коляски, все большее распространение получали манежи. Процесс обустройства детской видится с высоты сегодняшнего дня вполне европеизированным процессом ограничения свободы детского присутствия, расширения возможностей контроля над миром ребенка со стороны взрослых. С другой стороны, в России полтора века назад практика плотного пеленания и укачивания, ношения детей в плетеных корзинах, использования ходунков и помочей для раннего обучения навыкам хождения казалась столь же традиционной, сколь и неизбывной.

На примере трансформации детской мебели в дворянских семьях можно проследить процесс столкновения традиций, что были основаны на функциональных потребностях человека, удобстве и были проверены веками, и новых тенденций, которые возникали как следствие предписаний экспертного общества — педагогов, врачей, социальных работников. Трансформация материнства, медиализация отношений родителей к детям в дворянских семьях существенно изменяли предметный мир новорожденных. Сформировался эталон ухода за ними, основанный на научных, прежде всего медицинских и педагогических, знаниях, что имело множество положительных последствий, но (как мы заметили) и некоторые отрицательные стороны.

Natalia L. Pushkareva

Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: pushkarev@mail.ru

Natalia A. Mitsyuk

Doctor of Historical Science, Smolensk State Medical University (Russia, Smolensk)

E-mail: mitsyuk.natalia@gmail.com

MODERNIZATION OF THE EARLY CHILDHOOD MATERIAL CULTURE
IN THE RUSSIAN NOBILITY FAMILIES OF THE SECOND HALF
OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

The authors analyzed the changes in the Russian material culture of infancy during the post-reform period. The researchers' interest was focused on various household items, furniture, baby care articles in the educated, wealthy Russian families. The subject of research was the transformation of baby furniture: cribs, strollers, walkers, playpens. Based on autobiographical texts, scientific and medical literature, visual sources the authors came to a conclusion that in the beginning of the 20th century in Russia there was a modernization of the material environment of childhood in the families of the nobility and the bourgeoisie as a result of medicalization and commercialization of private life, the development of the manufacturing industry, propaganda of the “new parenthood” ideology, and the child-centrism ideas. While describing the process of the nurseries development in to a things-filled and isolated from the parents environment the authors also found in this process a collision between the tradition and the innovation. In their analysis of medical advice, pedagogical literature, children's furniture commercials, the authors demonstrated the ways in which the “new parents” strived to surround their children with the latest inventions (cots instead of cribs, playpens, high children's chairs, strollers, changing tables). In these processes the authors also noted the elements of child-centered ideology successfully used by the Russian manufacturers to establish firm ties between the material culture of childhood, fashion and commercial profit, and promoted children's furniture as a marker of a family's social status. By the same process a new baby care standard based on scientific knowledge and focused on a child's inclusion in the ordinary everyday shopping patterns was being formed. Unlike the USA, the UK, or France, there was no complete substitution of the conservative baby care practices in Russia in the early 20th century.

Keywords: *history of childhood, anthropology of childhood, medicalization, the history of baby furniture, material culture of childhood*

REFERENCES

- Basova E. *Byt vysshikh sloev obshchestva* [The living conditions of higher strata of society]. *Iz epokhi krepostnogo khozyaystva XVIII–XIX vv.* [From the era of serfdom economy 18–19 centuries]. Moscow: GIM Publ., 1926. 54 pp. (in Russ.).
- Bokova V. M. *Detstvo v tsarskom dome. Kak rastili naslednikov russkogo prestola* [Childhood in the royal house. How to Grow Russian heir to the throne]. Moscow: Lomonosov Publ., 2011. 300 p. (in Russ.).
- Dmitrieva N. A. *Stanovlenie sistemy zhenskogo obrazovaniya v rossiyskoy provintsii (1800–1880 gg.)* [The formation of women's education in the Russian province (1800–1880)]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskaniya uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2008. 24 p. (in Russ.).
- Fontanel B., d'Harcourt C. *Baby, Säugling, Wickelkind. Eine Kulturgeschichte* [Baby, infant, wrap Child. A cultural history]. Hildesheim: Gerstenberg, 1998. 254 p. (in Germany).
- Kalvert K. *Deti v dome. Materialnaya kultura rannego detstva, 1600–1900* [Children in the home. The material culture of early childhood, 1600–1900]. Moscow: NLO Publ., 2009. 272 p. (in Russ.).
- Kelli K. *Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vv.* [On the study of the history of childhood in Russia 19–20 centuries]. Moscow; Tver: Nauchnaya kniga Publ., 2008, pp. 8–47. (in Russ.).
- Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven: Yale University Press, 2007. 736 p. (in English).

- Komarova G. A.** *Etnografiya detstva: mezhdistsiplinarye issledovaniya* [Ethnography of childhood: interdisciplinary studies]. Moscow: IEA RAN Publ., 2014. 160 p. (in Russ.).
- Kon I. S.** *Rebenok i obshchestvo* [The child and society]. Moscow: Academia Publ., 2003. 336 p. (in Russ.).
- Kosheleva O. E.** “Svoe detstvo” v Drevney Rusi i v Rossii epokhi Prosveshcheniya (XVI–XVIII vv.) [“His childhood” in Ancient Rus in Russia Enlightenment (16–18 centuries)]. Moscow: URAO Publ., 2000. 319 p. (in Russ.).
- Martianova I. Yu.** *Povsednevnyaya zhizn detey rossiyskikh dvoryan po memuarom sovremennikov XVIII — nachala XIX v.* [The daily life of the children of Russian nobles on the memoirs of contemporaries 18th — early 19th century.] *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Publ., 2010. 254 p. (in Russ.).
- McKendrick N., Brewer J., Plumb J. H.** *The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England*. London: HarperCollins Publishers, 1984. 3465 p. (in English).
- Mikirtichan G. L.** *Pervyy v Rossii i Yevrope spetsialnyy gorodskoy priyut dlya nedonoshennykh detey* (First in Russia and Europe special city shelter for premature babies). *Detskaya bolnitsa* (Children Hospital), 2014, № 2 (56), pp. 57–61. (in Russ.).
- Mitsyuk N. A.** *Tandem “soznatelnoy materi” i vracha: zarozhdenie pediatricheskogo patronazha nad grudnymi detmi v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* (Tandem “conscious mother” and doctor: the emergence of pediatric patronage of infants in Russia at the turn of the 19th–20th century). *Zhenshchiny v rossiyskom obshchestve* (Woman in Russian Society), 2015, № 2 (75), pp. 90–104. (in Russ.).
- Mitsyuk N. A.** *Konstruiruya “idealnyuyu mat”: kontseptsii materinstva v rossiyskom obshchestve nachala XX veka* (Constructing the “Ideal Mother”: The concept of motherhood in Russian society in the beginning of 20th century). *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* (The Journal of Social Policy Studies), 2015, Vol. 13, № 1, pp. 21–33. (in Russ.).
- Morozov I. A.** *Fenomen kukly v traditsionnoy i sovremennoy culture* [The phenomenon of dolls in the traditional and modern culture]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Publ., 2010. 48 p. (in Russ.).
- Pushkareva N. L.** *Chastnaya zhizn zhenshchiny v Drevney Rusi i Moskovii* [The private lives of women in Ancient Rus and Muscovy]. Moscow: Lomonosov Publ., 2011. 208 p. (in Russ.).
- Pushkareva N. L.** *Materinstvo i materinskoe vospitanie v rossiyskikh semyakh XVIII — nachala XIX v.* [Maternity and parent education in Russian families 18 — early 19 century]. Moscow: IEA RAN Publ., 1998, pp. 104–136. (in Russ.).
- Romashova M. V.** *Deti i fenomen detstva v otechestvennoy istorii: noveyshie issledovaniya, diskussionnye ploshchadki, sobytiya* (Children and phenomenon of childhood in Russian history: contemporary research, discussions and events). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* (The Perm University Herald, series “History”), 2013, Issue 2 (22), pp. 108–116. (in Russ.).
- Sabashnikova M. V.** *Zelenaya zmeya. Istoriya odnoy zhizni* [Green snake. The story of one life]. Moscow: Enigma Publ., 1993. 245 p. (in Russ.).
- Salnikova A. A.** *Istoriya elochnoy igrushki, ili Kak naryazhali sovetskuyu elku* [History of Christmas toys, or how the Soviet dressed Christmas tree]. Moscow: NLO Publ., 2011. 234 p. (in Russ.).
- Salnikova A. A.** *Rossiyskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the XX century: history, theory and practice of research]. Kazan: KGU Publ., 2007. 255 p. (in Russ.).
- Sinova I. V.** *Deti v gorodskom rossiyskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Children in urban Russian society during the second half of 19th — early 20th century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2014. 288 p. (in Russ.).
- Stepchenkov L. L.** *Fotografy Smolenshchiny 1858–1918* [Photographers of Smolensk 1858–1918]. Smolensk: Kolleksiya Publ., 2012. 376 p. (in Russ.).
- Veremenko V. A.** *Deti v dvoryanskikh semyakh Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Children in the Russian noble families (the second half of XIX — early XX century)]. St. Petersburg: LGU Publ., 2015. 204 p. (in Russ.).
- Wall-Scheffler C. M., Geiger K., Steudel-Numbers K.** *Infant carrying: The role of increased locomotory costs in early development* *American Journal of Physical Anthropology*, 2007, Vol. 133 (2), pp. 841–846. (in English).
- Zimin I.** *Povsednevnyaya zhizn rossiyskogo imperatorskogo dvora. Detskiy mir imperatorskikh rezidentsiy* [The daily life of the Russian Imperial Court. Children’s world royal residences]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2010. 571 p. (in Russ.).

Портрет детей Олсуфьевых.

Худ. Т. А. Нефф. 1842 г.

Козьмодемьянский художественно-исторический музей им. А. В. Григорьева

Собрание по первоначальному воспитанию детей у различных народов.
Антропологическая выставка 1879 г. в Москве.
Фото-литография Шерер, Набгольц и К°

Дети царской семьи Романовых на прогулке. Начало XX в.